

Апрельские персиковые цветы источали едва уловимый сладкий аромат. Юй Чэньинь сорвал одну веточку и слегка понюхал её. Они шли по возвышенности, окутанной туманом; капли влаги, оседая на Юй Чэньине, превращались в росу, увлажняя его распушенные черные волосы. Он откинул за спину пряди, прилипшие к шее, и, присев на корточки, воткнул персиковую ветку в землю.

Его не заботило, будет ли она расти или сгниет — он просто нашел место, где можно её оставить.

Подул ветер, лепестки закружились в воздухе. Он поймал один, поднес к губам и попробовал на вкус — никакой остроты. Разжав пальцы, позволил лепестку упасть.

Выйдя из персиковой рощи, он набрел на пруд. В глади воды Юй Чэньинь увидел свое жалкое отражение. Кровь и грязь — не иначе как проделки того чудовища.

Он обернулся и приказал Лай Сюю убираться прочь, ждать за пределами рощи и не сметь возвращаться, иначе он выколет ему глаза. Лай Сюй, растерянный и обиженный, послушно опустился на землю, но, поймав на себе тяжелый взгляд Юй Чэньиня, был вынужден встать и направиться к выходу. По пути он ломал персиковые ветви, нещадно калеча деревья. И лишь когда наткнулся на ту самую, что воткнул Юй Чэньинь, он пригнулся, едва касаясь лепестков. Ему хотелось прижать ветку к груди, но, помедлив, он не решился. Посидев немного, он осторожно обошел её стороной.

Не видя спины Лай Сюя, Юй Чэньинь со спокойной душой разделся и нырнул в пруд.

Вода поглотила его, но он чувствовал себя в ней непринужденно, словно рыба. Вынырнув, он ощутил, как его окутали тонкий аромат персиков, свежесть зелени и прохлада пруда. В этом крошечном мирке он был ничто — меньше высоких деревьев, бесплотнее потоков воды, хрупкий, как роса, едва уловимый. Когда он погружался, вода ласкала его. Когда показывался на поверхности, воздух льнул к нему. Он стал подобен дыханию, песку, ветру и дождю, слившись с окружающим миром в единое целое.

Покой нарушил шум мечей, донесшийся из-за рощи — словно разбился серебряный сосуд, и вода хлынула наружу, превращая статичную картину в живой поток. Юй Чэньинь поплыл к берегу за одеждой, но битва за лесом закончилась слишком быстро. Увидев мелькающие сквозь деревья фигуры, он был вынужден спрятаться за большим валуном.

— Посмотри на эту одежду, — двое мужчин, один в синем, другой в сером, подошли ближе. Синий поднял наряд и понюхал его, уловив тонкий, влажный аромат зелени. — Лекарственный человек где-то рядом. Нет, точнее, он в пруду.

Он посмотрел на воду. Там никого не было, но несколько крупных камней могли служить отличным укрытием.

Их племя славилось искусством выращивания целебных трав и насекомых гу. Лекарственный человек был священным достоянием рода, поколения пытались его создать, но безуспешно. Когда все уже решили, что это лишь легенда, именно в его поколении появился почти созревший Лекарственный человек. Однако не успели соплеменники порадоваться, как Лай Сюй похитил его. Лекарственный человек, извлеченный до срока, обладал столь сильными побочными эффектами, что был непригоден для снадобий. Древние свитки предупреждали об этом в самых строгих выражениях.

Тех, кто в нарушение правил племени осмеливался пить кровь недозрелого Лекарственного человека, ждало изгнание или принесение в жертву предкам.

Лай Сюй, превратившийся в чудовище за лесом, был как раз таким примером. Соплеменники не могли одолеть его мечами, поэтому воспользовались моментом и усыпили с помощью гу. У каждого члена племени Яо внутри было насекомое гу. Пока Лай Сюй был жив, он подавлял своего паразита, не давая соплеменникам найти его с помощью травы гу. Но теперь, когда он стал монстром и не мог сдерживать насекомое, люди пошли по следу, ведомые травой гу.

Пусть они были мастерами ядов и лекарств, но оставались лишь небольшим южным племенем, неспособным тягаться с таким гигантом, как государство Чжао. В последние годы урожай целебных трав был скудным, и они не могли собрать достаточно дани.

Слухи о Лекарственном человеке ходили давно, и не только на юге. Преподнести его в качестве дани было отличным решением проблемы. К тому же, раз он был извлечен раньше срока и его свойства испорчены, лучше отдать его властям, чем позволить добру пропадать в руках Лай Сюя.

— Выходи. Лай Сюй обезврежен. Мы не причиним тебе вреда, лишь доставим во дворец. Наше племя вложило немало сил в твое создание. Человеческие дети платят родителям за воспитание, и мы надеемся, что ты, как Лекарственный человек, отплатишь нашему роду тем же, — крикнул мужчина в синем к пруду. — Как только ты окажешься во дворце, мы с племенем Яо будем в расчете.

Юй Чэньинь молчал.

— Если не выйдешь сам, я прикажу соплеменникам прочесать всё вокруг. Твоя одежда здесь, и я не хочу, чтобы на тебя смотрели лишние глаза.

Книга Небесной Судьбы предрекала, что Юй Чэньинь попадет во дворец как дань. Книга предсказывала судьбу лишь однажды, и этот сценарий был неизменным. Он думал, что спасение Лай Сюя изменит предначертанное, но всё вернулось на круги своя.

Впрочем, чтобы завладеть Государственной печатью, ему всё равно нужно было проникнуть во дворец. Почему бы не сделать это в качестве дани?

— Хорошо, я согласен. Брось одежду сюда.

Услышав голос, мужчина в синем на мгновение потерял дар речи. Это и есть Лекарственный человек? Даже голос его обладал такой... пугающей чистотой, что в душе проснулось желание разрушить это совершенство. Словно белый цветок, озаренный лунным светом, он вызывал непреодолимое желание сломать его стебель, смять в ладонях. Растереть в порошок, выжать сок, использовать для внешних и внутренних нужд, уничтожить до основания, чтобы и следа не осталось. Отринуть его значимость, запятнать, оскорбить, оклеветать, сделать так, чтобы он не мог существовать в этом мире. Чтобы глаза больше не видели, нос не чувствовал аромата, уши не слышали, а осязание пропало — чтобы всё сгнило. Этого существа не должно быть.

Мужчина в синем закрыл глаза и долго молчал. Открыв их, он швырнул одежду на камень в сторону звука.

Этого показалось мало, и он снял верхнюю накидку, бросив следом:

— Прикрой лицо. Не хочу, чтобы соплеменники видели тебя и прониклись жалостью. Ты — плод наших трудов. Если бы наш род был сильнее, мы бы не стали отдавать тебя в качестве дани. Но таковы времена, ничего не попишешь.

Стоявший рядом серый здоровяк проворчал:

— Хэлянь Хуайюй, не слишком ли ты суетишься? Признаю, от его голоса мутнеет в голове, но Лекарственный человек — это скорее демон, чем человек. Ты уверен, что он вообще понимает, о чем ты говоришь?

Юй Чэньинь оделся и, прихватив накидку Хэлянь Хуайюя, выбрался на берег. Он швырнул верхнюю одежду обратно в Хэлянь Хуайюя:

— Забирай, мне не нужно. И не считаю, что во мне есть что-то постыдное.

Хэлянь Хуайюй застыл на месте. Одежда, которую никто не поймал, упала в грязь.

Серый здоровяк выглядел еще более ошарашенным: его глаза остекленели, словно демон выпил всю его душу.

Хэлянь Хуайюй первым пришел в себя, подскочил к Юй Чэньиню и заключил его в объятия, закрывая лицо.

Юй Чэньинь, не в силах вырваться, выругался:

— Ублюдок, ты что творишь?

Соплеменники из-за леса начали подходить к пруду. Хэлянь Хуайюй крикнул серому:

— Приди в себя! Ступай и принеси маску Лай Сюя!

<http://bllate.org/book/18606/1791624>